

□

Рассвет глобальной информационной цивилизации Россия встречает, мягко говоря, далеко не во всеоружии – о чём свидетельствуют даже не столько низкие рейтинги её социально-экономических и политических характеристик в мировой табели о рангах, сколько сама нездоровая атмосфера неуверенности и неустоя, утвердившаяся в стране с началом демократической и рыночной модернизаций тоталитарной советской системы.

Рассвет глобальной информационной цивилизации Россия встречает, мягко говоря, далеко не во всеоружии – о чём свидетельствуют даже не столько низкие рейтинги её социально-экономических и политических характеристик в мировой табели о рангах, сколько сама нездоровая атмосфера неуверенности и неустоя, утвердившаяся в стране с началом демократической и рыночной модернизаций тоталитарной советской системы. Думается, нет нужды напоминать, что Россия совсем не случайно вышла из «купели» СССР с размытыми национальными ценностями, искусно девальвированной национальной идеей, следствием чего стал планомерный и широкомасштабный подрыв базовых оснований её национального духа. Ярким выражением указанных сомнительных «достижений» является, к примеру, отсутствие государственного целеполагания власти, утрата ею стратегической инициативы развития российского общества, информационной активности и наступательности.

Это вовсе не диатриба, тем более, не инвектива в адрес известных персоналий, но банальная констатирующая иллюстрация одного из популярных афоризмов нашего знаменитого историка В.О. Ключевского: «Жизнь учит лишь тех, кто её изучает»...

От себя не лишним будет уточнить: изучает и делает выводы. Причём в трёх взаимосвязанных горизонтах бытия: ретроспективном, реальном и перспективном. Сегодня должно и нужно заниматься такими исследованиями без разного рода идеологического «лукавства и камуфляжа», поскольку несомненным (и может быть пока единственным!) достижением почти пятнадцатилетних институциональных и экономических реформ является тот факт, что гены государственного рабства в информационно-ментальной структуре рядовых россиян, хотя и до обидного медленно, но всё же заменяются генами свободы и самореализации, которые, вполне вероятно, станут основой будущего национального генофонда.

Пора, пора нам всем осознанно подходить к планируемым «наверху» модернизациям и безбоязненно вносить свои коррективы, обусловленные единственно собственным ценностным выбором. Но делать его следует не наобум, а с применением... раз уж мы живём в информационном обществе – так называемых «информациологических констант», под которыми понимаются здесь общезначимые сведения переустройства общества, создаваемые на основе аналитических выкладок социальными информационными (носителями, субъектами) его и их различными объединениями.

Возвращаясь к национальной идее России, как раз хочу лишний раз подчеркнуть: она важна не в качестве идефикса любомудрствующих интеллектуалов, но прежде всего в силу её информациологической активности и эффективности в процессе инициирования опосредованных текущей реальностью социальных преобразований. В таком контексте она выступает важнейшей информациологической константой развития общества и государства. Не вызывает сомнения, что в России победит и будет успешной только та реформа, которая ясно и явно направлена на «сбережение народа», поскольку никакие общечеловеческие ценности не могут достигаться ценой попрания национальных интересов, путем национального унижения, замедления темпов развития, а то и прямой стагнации общественной, производственной и культурной сфер государства.

Разумеется, Россия не стоит на месте, но дефилирует в мутных волнах мировой политики. Правда, складывается почему-то иногда впечатление, что пока – «без руля и ветрил»... В какую же сторону ей предпочтительно двигаться?

По нашему твёрдому убеждению, направленность развития РФ определяется рядом следующих обстоятельств. Во-первых, после распада СССР Россия унаследовала статус великой державы, который не требуется завоевывать. Нужно лишь научиться ему соответствовать – с учётом геополитического положения, имеющихся ресурсов и возможностей, могучей и разноликой культуры, наконец, с учётом наличия все еще мощных сил ядерного сдерживания.

Нынешнюю Россию вполне уместно сравнить с великаном, обладающим торсом атлета и детской, доверчивой головкой. Потому-то и после шоковых «демократических преобразований» (а может, как раз благодаря им?) нам не верят и заслуженно нас боятся. Боятся – как потенциальных конкурентов... Боятся – российской непредсказуемости и безответственности...

Конечно, доверие мира нам предстоит заслужить, а статус великой державы – оправдать. Сложившуюся же в стране негативную ситуацию пора терпеливо исправлять – в том числе и в информационно-имиджевом поле.

Во-вторых, Россия исторически выполняет миссию регионального лидера, причем сразу двух регионов – Европы и Азии. Иначе говоря, лишь ей под силу решить ряд сложных задач цивилизационного масштаба. Это положение необходимо умно и тонко использовать в информационно-имиджевой государственной политике.

В-третьих, полноправным партнером мирового сообщества Россия сделается практически автоматически, если реформы дадут хоть небольшой положительный эффект, обеспечивающий предсказуемость государственной политики. Но это, в свою очередь, станет возможным лишь тогда, когда Россия определится со своей национальной идеей, с основным ценностным выбором, со стратегическими направлениями развития и доминантными приоритетами, когда она, наконец, чётко и ясно заявит о них.

Ренан как-то справедливо заметил: «Жизнь – это борьба против разрушающих начал»... В таком контексте краеугольным камнем национальной идеи России следует признать выживание и развитие её народов, а в индивидуальном плане – достойную жизнь каждого россиянина. Государство обязано поддержать и обеспечить этот выбор всеми имеющимися под его рукой ресурсами, в том числе и средствами Паблик рилейшнз, оно должно продемонстрировать решимость достижения заявленных целей и неизменность избранного курса.

Такова, на наш взгляд, информациологическая константа реального и перспективного позитивных социальных имиджевых планов России. Но практическое воплощение её невозможно без учёта ретроспективной политико-географической составляющей, на которой остановимся чуточку подробнее.

Здесь прежде всего отметим следующее. Обширность территорий страны, масштабность ее исторических свершений, опосредованных генерально-информациологической совокупностью цивилизационных задач, формируют геополитический фактор, однозначно влияющий на имидж любого государства. Этот фактор, как принято считать, воплощается в массовом сознании через определенные устойчивые геополитические образы (ГПО). Особую важность имеют политические приоритеты, утвердившиеся на конкретной территории, а также цивилизационные ценности, культивируемые народом. (В России, к примеру, такого рода ценности на протяжении более чем тысячи лет оставались неизменными, следовательно, и образы её обладали относительной устойчивостью.)

Геополитические образы можно определить как общественно наиболее значимые, предельно анаморфированные с точки зрения традиционного географического пространства и в то же время самые масштабные (т. е. охватывающие значительные по площади территории и регионы Земли) информациологические географические константы. В силу особой динамичности, повышенной изменчивости и даже известной неустойчивости они являются естественным испытательным «полигоном», на котором возможны эффективные научные исследования общих закономерностей динамики и трансформации образно-географических систем. Тем самым ГПО отражают целевую нагруженность и четкую структуру представлений о географическом ареале, включают максимально яркие и запоминающиеся символы, знаки и

характеристики конкретных территорий, стран, регионов, которые маркируют политическую диверсификацию территориально-государственных образований. По сути дела, речь идет о сгущении политико-географических информациологических констант с помощью различных пространственных знаков и символов.

Что в этом смысле представляла из себя Древняя Русь? Она была окраиной византийского культурного и политического круга, но одновременно размещалась на оси «Север – Юг», соединявшей Балтику с Черным морем и Балканами. При формировании ее политико-географического пространства преобладали экзогенные ГПО – прежде всего ГПО Скандинавии, Швеции, Дании, Балтики, а также Византии, причем по мере приближения к центру представляемого выделенной совокупностью стран политико-географического пространства плотность ГПО падала [1]. Иначе говоря, наблюдалась своего рода инверсия ГПО: в центре – образная пустота, а наибольшая информациологически-образная политико-географическая плотность сосредоточивалась на реальной географической периферии.

Не в последнюю очередь именно благодаря указанным обстоятельствам современной России присущ смешанный ГПО. Картина напоминает качание маятника. Нередко такое положение является причиной неточностей в политической и/или политико-географической самоидентификации государства (политического союза). Главная сложность здесь – определение образной дистанции, позволяющей сформировать и использовать ГПО.

В общей информациологической структуре страны ведущую роль играют ключевые ГПО – образы, оказывающие решающее и долговременное влияние на структурирование остальных ГПО, а также формирующие и во многом скрепляющие совокупное образно-геополитическое пространство. Для конструирования оптимального ГПО России необходимо моделирование нескольких наиболее явных и действенных различных ГПО страны в единой «связке», «оконтуривание» целостной образно-геополитической системы и дальнейшая проработка ее возможных конфигураций и структур. Надежная и динамичная образно-геополитическая система должна включать ГПО отдельных регионов и иметь возможность активно манипулировать ими [2]. Целенаправленная геополитика – это, в известной мере, и есть сбалансированность внешних и внутренних ГПО, рассматриваемых в едином образно-географическом поле. (Поэтому, например, ГПО Сибири и Дальнего Востока конца XIX – начала XX века неотделимы в своей динамике от ГПО Маньчжурии и Монголии.)

По сути дела, образно-геополитическая система страны – это арена столкновения, борьбы и взаимодействия порой довольно разнородных ГПО, иногда имеющих под собой и разные геокультурные фундаменты. Геополитические и геокультурные образы страны могут вступать в известное противоречие [3], но именно эта разветвленная «цепочка» и позволяет осознать соответствующие системы как динамичные геоисторические информациологические протяженности, «длительности», естественно «переваривающие» противоречивость и неоднозначность ГПО [4].

Каковы же ключевые ГПО России?

Первый из них – так называемый «остров Россия» – впервые выделен и подробно описан как устойчивый архетип геополитического развития нашей страны М. В. Ильиным [5]. Этот ГПО, по мнению ученого, во многом базируется на этнокультурных, цивилизационных и языковых особенностях развития Древней Руси и средневековой России, которые и предопределили его аутентичность.

Следующий ключевой ГПО – «Россия-Евразия» – детально проработан в 1920–1930 гг. в концепции евразийства [6], ориентировавшейся на выход за рамки традиционных геополитических возможностей России. Используя историко-географические основания, евразийцы создали мощный ГПО, до сих пор потенциально позволяющий разрабатывать весьма масштабные и разнообразные геостратегии.

Несколько ранее был осознан и транслирован вовне ГПО «Россия-и-Европа» или «Россия как Европа» [7]. Исторический план указанного образа проработан, в основном, в XIX веке, хотя в политическом и культурном отношении понимание России как в первую очередь европейской державы стало складываться еще в XVII – XVIII веках. Важно отметить, что при

этом Россия воспринималась (и воспринимается) в качестве маргинальной части Европы, во многом схожей, например, с Испанией – прежде всего, конечно, в историко-культурном смысле [8].

На цивилизационной основе выделяется и ещё один ключевой ГПО – «Византия». Его происхождение очевидно: Россия входила в византийский культурный ареал; российскую цивилизацию по своим корням можно также назвать византийско-православной. Этот ГПО играл немалую роль в формировании внешней политики России с XVIII и до начала XX вв.

К числу ключевых для России относится и ГПО «Восточная Европа». Конечно, понятие и образ Восточной Европы неоднократно менялись, особенно в XX столетии, охватывая порой совершенно разные страновые и региональные области. Но, несмотря на всю свою расплывчатость и изменчивость, этот ГПО (во многом пересекающийся с ГПО «Византия») оказал и продолжает оказывать заметное влияние на формирование внешнеполитического имиджа России. Историческая память здесь задействована напрямую, поскольку и Киевская Русь, и Московское государство XVI – XVII веков достаточно ясно осознавали свое геополитическое положение в рамках Восточной Европы [9].

Структура и информациологическая организация геопространства непосредственно связаны с характером использования ключевых ГПО во внешней политике современной России. Проиллюстрируем этот тезис в общих чертах, чтобы выявить его содержательно-имиджевый информациологический аспект.

ГПО «Остров Россия» весьма интенсивно использовался во внешней политике России в первый год президентства В. Путина, когда развернулся процесс постепенного дистанцирования от геополитических моделей, доминировавших в РФ в 1990-е годы, и создания автономного геополитического пространства. «Утилизация» старых геополитических «запасов» сочеталась с геополитической поддержкой таких же «островов»-дублеров – Белоруссии и частично Украины.

ГПО «Россия-Евразия» наиболее активно культивировался в период премьерства Е. Примакова, о чем наглядно свидетельствуют визиты главы правительства в КНР и Индию. Но попытка сформировать евразийский «треугольник» (несомненно, направленный против США и НАТО) не увенчалась успехом, поскольку образ самой России был не в состоянии заменить хорошо понимаемые в цивилизационном отношении образы Индии и Китая. Гораздо эффективнее рассматриваемый ГПО «работал» на дальних рубежах России – прежде всего в Центральной Азии, где Россия оказывала политическую, военную и экономическую помощь постсоветским государствам – Казахстану, Таджикистану, Кыргызстану и в какой-то мере Узбекистану. В зону его влияния входят также Закавказье, включая и часть самой России – Северный Кавказ.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в основе данного ГПО все же лежит образ России как европейской страны. Обращаясь к нему в своей внешней политике, Россия вынуждена постоянно оппонировать США, которые фактически выступают его внешней «упаковкой».

На протяжении 1990-х годов шло расставание с внешнеполитическими иллюзиями и эйфорией по поводу вхождения России в Европу. Практическое воплощение идей создания единого европейского дома «от Атлантики до Урала», озвучивавшихся Миттераном, Колем и Ельциным, было отнесено в область туманной перспективы. В геополитическом пространстве Россия постепенно отделилась от Европы, однако сами образные расстояния стали более точными, выверенными и надежными. К концу 1990-х годов ГПО «Россия-и-Европа», по сути дела, сузился до ГПО «Россия-и-Северная Европа» (проект сотрудничества ЕС и России «Северное измерение»).

В известном смысле СССР был гораздо более европейской страной, и в его внешней политике ГПО «Россия-и-Европа» действительно играл одну из ключевых ролей. В 1990-х годах большинство советских внешнеполитических представлений о Европе списали в архив. Современное репрезентирование ГПО «Россия-и-Европа» связано, в основном, с «точечной акупunkturой» Совета Европы (права человека, свобода слова и СМИ) и деятельностью России в рамках ОБСЕ, а сам он заметно «сжегился» – что полностью соответствует сложившейся внешнеполитической ситуации [10].

В начале 1990-х годов ГПО «Византия» пребывал в застывшем или «замороженном» состоянии, но во время конфликта в Косово быстро ожил – и не только в настроениях российского общества (это произошло еще в период войны в Боснии), но, главное, на государственном уровне. Его довольно интенсивно использовал премьер Е. Примаков, к нему не раз прибегал и министр иностранных дел И. Иванов. Активизация данного ГПО вполне реальна и сейчас – вероятно, в связке с ГПО «Восточная Европа». Он может быть актуален также относительно Грузии и Армении, хотя здесь необходимо учитывать сложившиеся историко-географические образы взаимодействия закавказских цивилизаций с византийской, включающие в себя элементы соперничества и противоборства.

ГПО «Восточная Европа» не нашел должного отражения во внешней политике современной России. Во многом это связано с несбалансированным развитием образа Европы в целом. Чрезмерное усиление образов Западной Европы, ЕС, частично НАТО и их фактическое внешнеполитическое отождествление привели к тому, что названный ГПО оказался вытеснен «на задворки». Тем не менее, на наш взгляд, именно его надо активно культивировать как оригинальный и автохтонный для России. В частности – постоянно артикулировать в отношениях с Белоруссией, Украиной и Молдовой. Ведь в перспективе ГПО самой России может составить ядро совокупного ГПО Восточной Европы.

Итак, самый общий информациологический анализ лишь традиционных для России геополитических констант показывает: в центре карты ГПО России наиболее прочны и устойчивы образы Европы и Евразии, в значительной степени пересекающиеся и взаимодействующие между собой. ГПО самой России во многом воспринимается в качестве сильного и централизованного образования, что подкрепляется стремлением россиян иметь собственное мощное и устойчивое государство.

Информациологический план указанных геоконстант нуждается в тщательном осмыслении, вдумчивом содержательном наполнении и активном продвижении в сознание собственной и мировой общественности. Его объем в имиджевом поле России следует постепенно увеличивать, согласуясь с воплощением социально-информациологических имиджевых доминант реального и перспективного характера, составляющих сердцевину национальной идеи или, если хотите, национальной идеологии государства. Корреляция между собой всех выделенных элементов перспективной имиджевой конструкции России и обеспечит устойчивую позитивизацию восприятия образа РФ в сознании россиян и иностранных граждан.

Не нами замечено: лучшее будущее наступает куда раньше, если двигаться ему навстречу. Недаром древние говорили: дорогу осилит идущий. Выражаясь словами Жореса, нам требуется взять «из прошлого огонь, а не пепел», чтобы возродить, наконец, тепло и свет внутри и вокруг нашего общего дома – России. Продолжая этот образ, хорошим «горючим» для поддержания российского «пламени» и выступают обозначенные выше информациологические константы. Именно потому они и нуждаются в особом внимании, теоретическом осмыслении и практическом применении. [Статья опубликована на сайте ИАА "Мир"](#)

23 июня 2004 г.

[1] См.: Аграшенков А. В. Исторический опыт воздействия на политическое сознание в переломные моменты общественного развития. СПб., 1994. С. 61.

[2] См.: Белов Е. А. Россия и Монголия. М., 1999. С. 66.

[3] См.: Грузински С. Колонизация и война образов в колониальной и современной Мексике // Международный журнал социальных наук. 1993. № 1.

[4] См.: Цымбульский В. Л. «От великого острова России...» (к прасимволу российской цивилизации) // Политические исследования. 1997. № 6.

[5] См.: Ильин М. В. Проблемы формирования «острова Россия» и контуры его внутренней геополитики // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1995. № 1.

[6] Там же.

[7] Зимин А. И. Европоцентризм и русское культурно-историческое самосознание. М., 2000. С. 249.

[8] Замятин Д. Н. Геополитика образов и структурирование метапространства // Политические исследования. 2003. № 1. С. 91.

[9] См.: Ильин М. В. Проблемы формирования «острова Россия» и контуры его внутренней геополитики // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1995. № 1.

[10] См.: Ильин М. В. Проблемы формирования «острова Россия» и контуры его внутренней геополитики // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1995. № 1.